

Vitaliia V. GUBYCH,

Postgraduate Student of General and Slavic Linguistics Department, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Frantsuzky Blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38(098)7683739; e-mail: vitalina.gubich@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6130-7212

NOMINATIONS OF GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER IN POLISH GRAMMAR BOOKS AND DICTIONARIES IN XVI — 1ST HALF OF XX C.

Summary. The purpose of the article is to find out the features of terminological nomination of names in grammatical category of gender in grammar books and dictionaries of Middle and New Polish periods (XVI-first half of the XX century). The object is a linguistic terminology of Polish. The subject is special tokens to indicate grammatical category of gender recorded in grammar books and dictionaries of Middle and New Polish periods. The separation of productive ways of nomination (semantic, syntactic, compounding) taking into consideration the intra- and extra-linguistic factors of the formation of linguistic terminology was the result of our research. It was used descriptive and comparative methods, component and morphemic-derivational analysis in our research. **Conclusion:** three genders which demonstrated borrowings and calqued terms in their nominations were emphasised like in the ancient linguistic tradition. Codification of specific terms, which were digested in modern terminology, happens with the release of works by O. Kopczyński. Number of genders increases due to the formation of grammatical category of personality that had led to emerge of male-personnel and material genders. It can be found a considerable number of tokens for the nomination of grammatical category of gender in connection with the deepening of knowledge, need to allocate personality and separated grammatical category of animated / inanimated in modern linguistics.

Key words: grammatical category of gender, grammatical category of personality, linguistic terminology, the Polish language.

Статтю отримано 21.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107947>

УДК 811.512.16'367:347.97(477.75)«16/17»

РУСТЕМОВ Олег Дияверович,

кандидат филологических наук, Ардаханский университет, Турция; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИЗАФЕТОВ В ТЕКСТАХ КАДИАСКЕРСКИХ ДЕФТЕРОВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVII—XVIII ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос синтаксических и стилистических функций изафетных конструкций, имеющих в кадиаскерских сборниках Крымского Ханства периода XVII—XVIII вв. Изафеты являются отличительной чертой синтаксиса тюркских языков. Однако в крымских кадиаскерских тетрадах употреблены не только изафеты тюркского происхождения, но также арабо-персидские. Традиционно тюркские изафеты представлены как в классическом виде, так и в историческом развитии применительно к текстам юридического подстиля, характеризующимся своим нарративным характером. Арабо-персидские изафеты в большей степени выполняют стилистические функции, а иногда выглядят как стенографические приёмы. Часто они несут на себе также терминологическую нагрузку. Все эти особенности изафетов кадиаскерских книг свидетельствуют о развитии и вполне устоявшемся характере языка крымских татар, в частности, юридического подстиля официально-делового стиля.

Ключевые слова: изафетные конструкции, крымские кадиаскерские книги (дефтеры), юридический подстиль официально-делового стиля, синтаксис тюркских языков, стилистика.

Постановка проблемы. Несмотря на многосторонние исследования, проводимых различными авторами, изафетных конструкций в тюркских языках, оно никогда не проводилось применительно к крымскотатарскому языку, тем более в документах эпохи Крымского Ханства. Кроме собственно тюркских изафетов, в языке крымских кадиаскерских судебных сборников, реестров, являющихся объектом нашего исследования, встречаются также изафеты арабского и персидского происхождения. Зачастую они выполняют не только грамматическую и синтаксическую роль в предложении, но также стилистическую и даже терминологическую, что говорит об устоявшихся традициях крымского делового письма, в особенности юридического подстиля. Однако состояние этого языка, равно как и его синтаксиса, никогда не были объектом научного исследования.

Изучение смежных проблем в прошлом. Как известно, одной из отличительных черт, которую отмечают исследователи тюркского синтаксиса, среди которых А. К. Боровков, А. Н. Кононов, Э. Севортян, Э. Р. Тенишев и др., является то, что зависимое слово (или синтагма) всегда находится

перед тем словом, от которого оно зависит: определение находится перед определяемым словом, подлежащее перед сказуемым, придаточное предложение предшествует главному и т. п. Следовательно, вербализация описываемого события в законченном классическом предложении наступает лишь в конце высказывания [напр.: 2, с. 711; 9, с. 167; 14, с. 251; 15, с. 43].

Другой характерной особенностью тюркского синтаксиса является наличие изафетных конструкций [5, с. 32; 8, с. 145–150]. В свою очередь, систематичность их употребления обуславливает именную характер тюркского синтаксиса, что также неоднократно подчёркивалось языковедами: «Одним из наиболее важных отличий большинства тюркских языков является весьма значительная (по сравнению с индоевропейскими языками) роль в них именных предложений» [12, с. 6].

Мы установили, что в языковедении нет исследований по проблемам синтаксиса и стилистики крымскотатарских кадиаскерских книг и вообще документов юридического подстиля. Единственной работой, в которой опосредованно затрагиваются вопросы синтаксиса указанных текстов в связи с общими вопросами исторической стилистики, является одна из наших статей 2013 года [13]. Кроме того, до сих пор не описан синтаксис крымских и ордынских ярлыков, хотя он опирался на уникальные древние восточно-тюркские письменные традиции новоуйгурского, караханидского и хорезмийского литературных центров и постепенно трансформировался под влиянием местных языковых культур на завоеванных татарами землях. Нет также исследований синтаксиса судебных актов османского периода, изданных в Турции либо за её пределами, хотя синтаксис османского литературно-художественного языка очень подробно освещён в многочисленных научных трудах. Таким образом, специфические черты синтаксиса документов юридического характера, созданных на территории Крымского ханства, до сих пор не привлекали серьёзного внимания языковедов-тюркологов, несмотря на выразительность и самобытность стиля этих документов, сложившегося в Османской империи и Крымском ханстве к концу XVI в. и развивавшегося вплоть до эпохи Танизимата, т. е. до середины XIX в.

Постановка задач исследования. Целью данного исследования является изучение и описание изафетных конструкций тюркского и иноязычного происхождения с точки зрения их синтаксических особенностей и стилистических функций в плане диахронии в юридическом подстиле официально-делового стиля языка крымских татар XVII–XVIII вв. Объектом изучения являются изафетные конструкции, предмет нашего исследования — типологические и функциональные особенности изафетов. Актуальность изучения данной проблемы в крымскотатарском языкознании обусловлена самим фактом её неизученности.

Изложение основного материала. В настоящее время синтаксис в тюркологии рассматривается с двух аналитических позиций: 1) как «нечто типологически единое», восходящее к идеям Бертольда Дельбрюка (Delbrück, Berthold Gustav Gottlieb) о синтаксическом архетипе, и 2) как различающиеся синтаксические типы, минимум три: «древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский» [4, с. 3].

Исходя из этой классификации, синтаксический строй текстов сиджилий Крымского ханства мы определяем как переходный тип, использующий модели не типичного для тюркских языков вида связи и изафетных конструкций. Прежде всего, речь идёт об изафетах арабского и персидского типа и способах синтаксических связей, выходящих за рамки классического тюркского строя. В. Г. Гузев, говоря об османском языке, называл такой тип синтаксиса смешанным [6, с. 75]. Таким образом, письменный язык Крымского ханства, как и Османской Турции или среднеазиатских постордынских государств, находившихся под влиянием исламской культуры и ориентированных в своих литературных нормах и вкусах на литературу и письменные источники арабского и персидского происхождения, оказался смешанным по своему синтаксическому строю и переходным по отношению к современному языковому состоянию этих народов.

Так как синтаксис исследуемых нами памятников является смешанным, то более половины всех изафетных конструкций в них арабского или персидского типа либо такие, в которых одно из значимых слов является заимствованием. Однако имеются и исконно тюркские, как правило, 2-го и 3-го типа, более конкретные в определении принадлежности объектов, событийности и времени. Изафеты 1-типа встречаются, в основном, в яфтах — перечне имущества, получаемого наследниками. Эти списки часто сводятся к перечислению наследуемых животных с описанием особенностей их рабов, недвижимости, домашней утвари и одежды. Как правило, в наименовании этих объектов и предметов преобладает исконно тюркская лексика. Во всех других документах чаще встречаются изафеты 2-го и 3-го типов, а также арабские и персидские изафетные словосочетания.

Изафет 1-го типа — бессуффиксный, оба компонента в именительном падеже. Зависимость в них определяется позиционно. 1-ый компонент (определение) в этом типе изафета указывает на ремесло или занятие, происхождение, признак предмета, степень родства и субъект обладания, пол и т. п.:

1. *Qısvır qoyun* — яловая овца. Адъективное словосочетание, так как *qısvır* в современных тюркских языках означает прилагательное — *бесплодное* животное, *не родившее* животное. Однако изначально *qısvır* означало «кобыла, не приносившая приплода», а также «не рожавшая женщина; бесплодная женщина» [7, с. 448; 16, т. 1, с. 236, 322.]. Это формально-атрибутивный изафет.

2. *Turan qılıç* — Меч из Турана (туранский меч). Атрибутивный изафет: Туран + меч.

3. *Baqır qazan* — Медный казан. Атрибутивный изафет: медь + казан.

4. *Sebet (sepet) sandıq* — плетённый сундук. Атрибутивный изафет: корзина + сундук [10, т. 1, с. 5-А (1–90/88), текст 1 (57)].

Изафет 2-го типа — словосочетание с атрибутивной связью между компонентами с парадигмой суффикса *-ı* (-ы) / *-i* (-и) ... после основ, оканчивающихся на согласный, и *-si* (-си) / *-sı* (-сы) после основ на гласный в определяемом слове при посессивных отношениях). Определяющее слово без суффикса. Порядок слов аналогичен изафету 1-го типа:

1. (*Quba*¹) *siğır buzağı* [10, т. 1, с. 5-А (1–90/88), текст 1 (57)] — здесь: (бурый) «коровий» телёнок (изафет: корова + телёнок). В свою очередь, *quba* хоть и означает цвет, однако, по Махмуду Кашгарскому, изначально это тоже существительное: *бурая лошадь, гнедая лошадь, а также любое животное данного цвета* [16, т. 3, с. 372].

2. *Masar Seferi* (-nde) [10, т. 1, с. 2-В, (1–93/99), текст 2] — венгерский поход / поход на Венгрию. (Словосочетание в местном падеже: в венгерском походе). Именной изафет — составленный из давно освоенных арабских заимствований по абсолютно тюркскому типу синтаксиса: Венгрия + поход.

3. *İbraş bağı* [10, т. 1, с. 2-А (93/99), текст 8 (24)] — Сад Ибраша (*Ибраш сад его).

4. *Bağçesaray sakinleri* (-nden) [10, т. 1, с. 2-В (1–93/99), текст 5 (29)] — из жителей Бахчисарая (с суффиксом — *-nden* исходного падежа через *-n-* для основ на гласный — формант, характерный для южно-тюркских / огузских языков). Изафет: *Bağçesaray sakinleri* (*Бахчисарай жители его).

5. *Sahtıyan kürki* [10, т. 1, с. 2-В (1–93/99), текст 5 (29)] — сафьяновый мех; сафьяновая шкура (*сафьян шкура его).

6. *Arpa demedi* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — сноп ячменя (*ячень сноп его).

7. *Tarı demedi* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — сноп проса (*просо сноп его).

Изафет 3-го типа — оба члена словосочетания принимают суффиксы: определяющее слово — вариантный суффикс родительного падежа *-nıñ*; второй компонент — суффикс принадлежности, как во 2-ом типе изафета. Этот суффикс принадлежности употребим для 2-го и 3-лица. Местоименное словосочетание первого лица (мой / моя... (*benim*)) образуется с парадигмой суффикса: *-im*:

1. ... *benim (sulb-i) oğlum(u)* [10, т. 1, с. 4-В (1–91/97), текст 1 (52)] — мой (младший) сын (в тексте: в винительном падеже — *моего младшего сына*).

2. ... *benim (sağ) butum* [10, т. 1, с. 4-А (1–91/97) текст 5 (47)] — моё (правое) бедро (именительный падеж).

Примеры изафетов третьего типа:

1. *Sanmirzanıñ qardaşı* [10, т. 1, с. 4-А (91/97), текст 7 (42)] — (младший) брат Джанмирзы (*Джанмирзы брат его).

2. ... *qız qardeşlerimniñ küyüğüleri* [10, т. 1, с. 3-В (98), текст 7 (42)] — моих сестёр женихи (мужья / зятья) (*Моих сестёр жених их). В сочетании *qız qardeşlerimniñ* после показателя множественного числа *-ler-* следует притяжательный аффикс для первого лица *-im-*, а затем аффикс родительного падежа *-niñ*, без начальной 'n', что характерно для огузских языков после основ на согласную.

3. ... *yetimin vasisi* [10, т. 1, с. 5-В (90/88), текст 5 (62)] — опекун сироты (*сироты опекун его).

4. *Gulistanıñ efendisi* [10, т. 1, с. 5-В (90/88), текст 6 (63)] — господин (хозяин) Гюлистан (имя наложницы) — *Гюлистан господин её.

Сочетания с категорией посессивности могут иметь обратный порядок слов в случае утверждения принадлежности или имущественных прав на объект (коррелят). В этом случае необходимо употребление суффикса *-dur* (в парадигме сингармонического звукоряда), который восходит к архаичному свойству глагола *dur-*; *tur-* (стоять, находиться) как вспомогательного глагола в предикативной связке (или составного глагола, образующего «аналитические формы времени» [11, с. 293]). Этот суффикс придаёт значение сказуемости, а в сочетании с причастиями прошедшего времени сообщает о факте свершившегося действия. Например, *İşbu câriye Mengü Mahmudundur* [10, т. 1, с. 5-В (90–98), текст 6 (63)] — Эта самая невольница Менгу Махмуда (является / являвшаяся).

Посессивные словосочетания могут приобретать характер более сложных синтагм, где две или более изафетных конструкций следуют одна за другой или даже пересекаются между собой: *Arıqniñ babasınıñ vaqı muhtarı* [10, т. 1, с. 2-А (93–99), текст 8 (24)] — староста времён отца Арыка (букв. *Арыка отца времени староста его). Сочетания такого типа говорят о стремлении к упрощению и сокращению синтаксических конструкций в копиях судебных документов на манер разговорного тюркского языка.

Ещё один вид словосочетаний, примыкающих к изафету, в данном случае первого типа, выражает количество с участием специальных слов счёта (нумератов): *nefer* — человек мужского пола (араб.); *adet* — единица (изм.), число (араб.); *dane* — единица счёта, штука (при счёте) (перс.), от: ядрышко (граната), изюминка (винограда) и т. д.; *baş* — голова (также и для счёта скота) (тюрк.); *kile* — ёмкость для измерения зерён злаковых растений (араб.); *res'* — голова (при счёте скота) (араб.), *oqqa* — мера веса равная 1,3 кг. (араб. *vuqqa*):

¹ Quba (قبوق) — в словаре Л. Будагова в форме: (ابوق، قبق) — бледный; бурый, желтоватый [16, т. 2, с. 35].

1. *On bir baş biye* — одиннадцать голов кобыл (старше трёх лет).
2. *Beş baş baytal* — пять голов кобылиц (младше трёх лет).
3. *İki res' tay* — двое (две головы) жеребят [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)].

Все компоненты этих устойчивых словосочетаний имеют форму именительного падежа, связь осуществляется позиционно.

Развитие изафетных конструкций привело к появлению более сложных, многокомпонентных синтагм, смысловое единство которых нерасчленимо: *Yeşil qaraca içi zerduva* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — куница (куний мех) с тёмно-зеленым подкладом (вариант: куница с подкладом из серой-зелёной косули) / дословно: *Тёмно-зелёного подклада куница. В подобных поликомпонентных сочетаниях реализуется агглютинативный принцип тюркских языков: наращивание основы за счёт моносемантических суффиксов, что в данном случае означает наращивание признаков определяемого слова без употребления глагола-связки, в частности причастия *olan / olğan*.

Изафеты арабо-персидского происхождения, помимо своих стилистических функций, часто играют роль терминов, большинство которых используется в текстах сиджилей Крымского ханства неоправданно, так как заимствования обычно усложняют восприятие содержания. Это касается категорий родства, торговых терминов типа *покупать, продавать, получать, отказываться (от сделки)* и т. п. Это вполне могло бы быть обеспечено лексикой исконно тюркского происхождения. Употребление подобных неоправданных заимствований надо рассматривать, по нашему мнению, как дань некоей традиции высокопарного стиля, проще говоря — подражание литературным образцам салонной поэзии, ориентированным после принятия Ислама на арабский и персидский язык и вкусы арабской и персидской знати.

Наиболее употребительные из оборотов и терминов юридического характера в текстах крымских сиджилей принимают форму устойчивых конструкций или шаблонов, повторяющихся во многих документах: *taqrir-i kelâm* — показания (буквально: объяснение + слово), *mahfil-i qaza* — судилище (собрание + суд), *meblağ-ı merkum* — учтённая сумма (сумма + нечто посчитанное), *merhum-i merkum* — упомянутый покойник (покойник + нечто посчитанное, учтённое), *Humayun-i Saadet* — относящийся к султану, к верховной власти (Хумаюн + Счастье. Хумаюн, Гамаюн — мифическая птица, знаменующая правителя в османской Турции и Крымском ханстве), *Divan-i Humayun* — Высший совет (Совет + Хумаюн); *takrir-i da'va* — показания по делу (объяснения + иск); *beynü'l-cirân* — между соседями (для обозначения местонахождения земельного участка, дома); *ahlaqqyet'ul-asl* — доброго нрава, буквально: *добронравного происхождения (о женщине-наложнице). Пример сложного сочетания с обозначением времени: *Fi'l-yevmu's-salis ve işrin min Sefer* — дня 23-го месяца Сафара. Арабские изафеты определительного типа с аффиксом *-i* совпадают по форме с иранскими изафетами, которые редко, но всё же встречаются в кадиаскерских тетрадах. Правда, семантическая нагрузка на суффиксы и соединительные гласные в них совершенно различна.

В отличие от художественной литературы, где издавна укрепились традиции, воспринятые тюрками Передней и Средней Азии из образцов иранской литературы, сиджили, будучи документами юридического характера, в основном, апеллируют к арабским терминам и понятиям, обращаясь к арабскому языку как к источнику права — Шариата. Подобно иранским в диванной литературе, арабские изафеты в текстах сиджилей Крымского ханства выступают неделимым атрибутом, который можно сочетать в предложении с остальными членами, используя соответствующие тюркские суффиксы и падежные «приставки». Например, исходный падеж: *'udûl-i müslümin'den* — из (числа) справедливых мусульман (изафет — справедливый + мусульмане); направительный падеж: *mahfil-i qaza'ya* — в собрание суда (собрание + суд); винительный падеж: *arz-i mezre'yi* — участок земли; местный падеж: *qarye-i Nayman'da* — в деревне Найман. В данном случае первое слово определяет второе, которое, по правилам агглютинативных языков, принимает на себя тюркские окончания или аффиксы.

Изафет (идафа) — арабское слово, означающее «присоединение». В арабском языке, как в тюркском и персидском, изафеты образуют именные сочетания, между компонентами которых существует зависимость: определяющее и определяемое слово. Как правило, эта зависимость носит посессивный характер, а также разъяснительный — о месте и времени; или уподобления (сравнения) с предлогом *как*. В арабском языке изафет оформляется при помощи одного из четырёх артиклей родительного падежа: (ك, ي, ف, ن). В родительном падеже стоит второй компонент изафета.

Нередко в тюркских письменных памятниках XIV–XIX вв. арабские форманты в изафетах и в обычных сочетаниях сохраняют в своём составе признаки морфологии арабского языка. Это касается иной (отличной) формы родительного падежа, показателей единственного, двойственного или множественного числа, а также различий между женским и мужским родом, которые отсутствуют в тюркском языке, ср.: *müşaru ileyh* — указанный (означенный + этот), *müşarun ileyh* — указанного, *müşaru ileyhuma* — указанная; *mezbur* — упомянутый, *mezburе* — упомянутая, *mezburan* — упомянутые и т. п.

Однако иноязычные грамматические нормы проявлялись не во всех текстах. Когда же такое происходило, они выглядели достаточно искусственно и вычурно, так как общий строй синтаксиса оставался всё же тюркским, а грамматическая смесь из разноязычных морфологических элементов

порождала некоторые лингвистические коллизии. Использование тюркских грамматических форм наряду с заимствованными и частое употребление сложных союзных предложений, составленных по арабскому или персидскому образцу, позволяет говорить о смешанном характере синтаксиса письменного тюркского языка эпохи в целом и языка крымских кадиаскерских книг в частности. Особенно заметны в этом случае персидские синтаксические кальки, в которых устанавливался обратный, с точки зрения тюркских языков, порядок слов и подчинительных связей в предложении. Отдельные элементы этого синтаксиса — арабские и персидские союзы и предлоги, индоевропейский тип подчинительной связи — были унаследованы современными тюркскими языками, что даёт основание рассматривать синтаксис XVII–XVIII вв. как переходную стадию грамматической системы тюркских языков, оказавшихся под влиянием ближневосточной мусульманской цивилизации и арабо-персидской лингвокультурной среды. Подобные явления переходного типа наблюдались в тюркских языках вплоть до начала XX века.

Как персидские, так и арабские изафеты, сочетания, отдельные лексемы сочетаются с тюркскими модальными глаголами и образуют глагольную пару или вербализованный оборот: *taqrir-i kelâm idub* — делая признания, давая показания; *bedel-i sulhi dahi qabz idub* — приняв также компенсацию за мировую; *mahüvel'l-vaqi keteb olundu* — записано в соответствии с событием; *şöyle eda-i şehadet itdiler ki...* — таким образом, свидетельствовали о том, что...; *bey' idub* — купив (покупку сделал). Суть модального глагола определяется нами по Шарлю Балли: «Модальный глагол содержит в себе то, что логики называют утверждением там, где мы имеем дело с суждением» [1, с. 44].

Выводы. Изучение изафетных конструкций в текстах кадиаскерских дефтеров Крымского ханства XVII–XVIII вв. с точки зрения синтаксических особенностей и стилистических функций в плане диахронии позволило нам установить и описать ряд феноменов, оставшихся вне поля зрения лингвотюркологии. Они характеризуют один из фрагментов синтаксической структуры юридического подстиля официально-делового стиля языка крымских татар XVII–XVIII вв. Определены типы и подтипы исконно тюркских и заимствованных из арабского и персидского языков изафетных конструкций, их структурные и функциональные особенности. В общем, такие конструкции служат для создания грамматически обезличенного строгого официального фона текстов юридического подстиля кадиаскерских дефтеров. Этот фон нередко нарушается повествовательным характером текстов, в которых показания участников тяжбы звучат как прямая или (чаще) косвенная речь. В целом, каждый документ воспринимается как мини-рассказ с сюжетом о том или ином происшествии. Секретари, которые записывали процесс слушания дела, старались минимизировать эмоциональный уровень подобного нарратива. Структурное влияние арабских и персидских изафетных конструкций на уровне сложных союзных предложений привело к заимствованию арабских и персидских служебных слов, а также сделало возможным изменение обязательного порядка слов в исконно тюркской структуре, а именно: употребление придаточных частей сложноподчинённых предложений не только в препозиции, но и в постпозиции по отношению к главной части. Наиболее употребительные из оборотов и терминов юридического характера в текстах крымских сиджилей принимают форму устойчивых клише и становятся неоднородными юридическими терминами.

Л и т е р а т у р а

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / [пер Е. В. и Т. В. Вентцель]; Шарль Балли. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 416 с.
2. Боровков А. К. Краткий очерк грамматики узбекского языка / А. К. Боровков // Узбекско-русский словарь. — М., 1959. — С. 679–727.
3. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык / Лазарь Будагов. — СПб.: Тип. ИАН, 1871.
4. Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1986. — 284 с.
5. Гаджиева Н. З. Тюркские языки / Н. З. Гаджиева // Языки мира. Тюркские языки / [предс. редколлегии В. Н. Ярцева; отв. ред. тома Э. Р. Тенишев]. — М.: Изд. дом РАН, 1996. — С. 16–34.
6. Гузев В. Г. Староосманский язык / В. Г. Гузев. — М.: Наука, 1979. — 95 с.
7. Древнетюркский словарь / [ред. В. М. Наделяев и др.]. — Л.: Наука, 1968. — 677 с.
8. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. / В. Г. Кондратьев. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 191 с.
9. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов. — М.: Изд-во АН СССР, 1943. — 311 с.
10. Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке имени Гаспринского в Симферополе // Архивный фонд: 67 А90. — Т. 1.
11. Кормушин И. В. Древние тюркские языки / И. В. Кормушин. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. — 336 с.
12. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка / А. П. Поцелуевский. — Ашхабад: Туркм. ОГИЗ, 1943. — 100 с.
13. Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилей / О. Д. Рустемов // Сходознавство. — К., 2013. — № 64 — С. 108–116.
14. Севортян Э. В. Крымско-татарский язык / Э. В. Севортян // Языки народов СССР. — М.: Наука, 1966. — Т. 2: Тюркские языки. — С. 234–259.

15. Тенишев Э. П. Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки / [предс. редколлегии В. Н. Ярцева; отв. ред. тома Э. П. Тенишев]. — М. : Изд. дом РАН, 1996. — С. 35–46.
16. Kâşgarlı M. Divanü Lûgat-it-Türk / Mahmud Kâşgarlı / [çeviren : Besim Atalay. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. — 3. Baskı. 4. Cilt.
17. Stepanov Ie. N. Russian proverbs and sayings with Türkisms of domestic discourse : lingual and cultural aspects / Ievgenii Steanov // Мова. — Одеса : Астропринт, 2016. — № 26. — С. 111–119.

References

1. Bally, Ch. (1955), *General Linguistics and Problems of the French Language*. Translated into Russian by E. V. and T. V. Ventzel [*Obshchaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka*], Foreign literature Publ., Moscow, 416 p.
2. Borovkov, A. K. (1959), «A short essay on the grammar of the Uzbek language», *Uzbek-Russian Dictionary* [«Kratkij ocherk grammatiki uzbekskogo jazyka», *Uzbeksko-russkij slovar'*], Moscow, pp. 679–727.
3. Budagov, L. (1871), *Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the commonly used words of Arabic and Persian and with translation into Russian* [*Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskikh narechij so vkluchenijem upotrebitel'nejshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkij jazyk*], Typography of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, vol. 1, 827 p. ; vol. 2, 415 p.
4. Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1986), *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax* [*Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh jazykov. Sintaksis*], Nauka, Moscow, 284 p.
5. Gadzhieva, N. Z. (1996), «Turkic languages», *Languages of the world. Turkic languages* [«Tiurkskije jazyki», *Jazyki mira. Tiurkskije jazyki*], eds. V. N. Yarcev & E. R. Tenishev, Publ. House of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 16–34.
6. Guzev, V. G. (1979), *The Old Ottoman language* [*Staroosmanskij jazyk*], Nauka, Moscow, 95 p.
7. Nadeliaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Scherbak, A. M. (eds) (1968), *Ancient Turkic dictionary* [*Drevnetiurkskij slovar'*], Nauka, Leningrad, 677 p.
8. Kondratiev, V. G. (1981), *The grammatical structure of the language of the ancient Turkic manuscripts of the VIII–XI centuries* [Grammaticheskij stroj jazyka pamiatnikov drevnetiurkskoj pis'mennosti VIII–XI vv.], Publ. house of Leningrad University, Leningrad, 191 p.
9. Kononov, A. N. (1943), *Grammar of the Turkish language* [*Grammatika Tureckogo jazyka*], Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 311 p.
10. Copies of the Crimean Khanate's judicial registers which stored in the I. Gasprinskiy library in Simferopol, Archive fund: 67 A90, vol. 1.
11. Kormushin, I. V. (2004), *Ancient Turkic languages* [*Drevnije Tiurkskije jazyki*], Khakas N. F. Katanov State University, Abakan, 336 p.
12. Potseluevsky, A. P. (1943), *Principles of the syntax of the Turkmen literary language* [Osnovy sintaksisa turkmenskogo jazyka], Turkmenское Obyedinyonoye Gosudarstvennoye Izdatel'stvo, Turkmen Joint State Publishing House, Ashgabat, 100 p.
13. Rustemov, O. D. (2013), «Internal style of the Bakhchisarai court papers», *Oriental Studies* [«Vnutrenniaja stilistika Bahchisarajskikh sidzhilej», *Shhodoznavstvo*], A. Yu. Krymskij Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, vol. 64, pp. 108–116.
14. Sevortyan, E. V. (1966), «Crimean Tatar language», *Languages of the Peoples of the USSR* [«Krymsko-tatarskij jazyk», *Jazyki narodov SSSR*], Nauka, Moscow, vol. 2, pp. 234–259.
15. Tenishev, E. R. (1996), «The languages of the Turkic manuscripts», *Languages of the world. Turkic languages* [«Turkojazychykh pis'mennykh pamiatnikov jazyki», *Jazyki mira. Tiurkskije jazyki*], eds. V. N. Yarcev & E. R. Tenishev, Publ. House of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 35–46.
16. Kâşgarlı, Mahmud (1992), *Divanü Lûgat-it-Türk*, translated by Besim Atalay, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, vol. 3, Baskı ; vol. 4, Cilt.
17. Stepanov, Ie. N. (2016), «Russian proverbs and sayings with Türkisms of domestic discourse : lingual and cultural aspects» *Mova*, Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprynt, Odessa, vol. 26, pp. 111–119.

РУСТЕМОВ Олег Діляверович,

кандидат філологічних наук, Ардаханський університет, Туреччина; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

ТИПИ І ФУНКЦІ ІЗАФЕТНИХ КОНСТРУКЦІЙ У ТЕКСТАХ КАДІАСКЕРСЬКИХ ДЕФТЕРІВ КРИМСЬКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII СТ.

Анотація. У статті докладно розглянуто питання синтаксичних і стилістичних функцій ізафетних конструкцій, які вжиті в текстах кадїаскерських збірників Кримського Ханства періоду XVII–XVIII ст. Ізафет є відмінною рисою синтаксису тюркських мов. Однак у кримських кадїаскерських зошитах були використані ізафети не лише тюркського походження, але й арабо-перські. Традиційно тюркські ізафети представлено як у класичному вигляді, так і в історичному розвитку стосовно текстів юридичного підстилю, що характеризується своїм наративним характером. Арабо-перські ізафети більшою мірою виконують стилістичні функції, а іноді функціонують як стенографічні прийоми. Часто вони несуть на собі також термінологічне навантаження. Всі ці особливості ізафетних конструкцій кадїаскерських книг свідчать про розвиненість і цілком усталений характер мови кримських татар XVII–XVIII ст., зокрема, юридичного підстилю офіційно-ділового стилю.

Ключові слова: ізафетні конструкції, кримські кадїаскерські книги (дефтери), юридичний підстиль офіційно-ділового стилю, синтаксис тюркських мов, стилістика.

Oleg D. RUSTEMOV,

Candidate of Philology (PhD), Ardahan University, Turkey; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; tel.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

TYPES AND FUNCTIONS OF EZAFE CONSTRUCTIONS IN THE TEXTS OF THE CRIMEAN KHANATE KADIASKER'S BOOKS OF THE 17TH-18TH CENTURIES

Summary. The article deals in detail with the question of syntactic and stylistic functions of ezafe constructions that are present in the kadiasker collections of the Crimean Khanate of the 17th-18th cc. Ezafes are a distinctive feature of the syntax of Turkic languages. However, in the Crimean kadiasker notebooks not only ezafes of Turkic origin are used, but also Arab-Persian ones. Originally Turkic ezafes are presented both in classical form and in historical development, with reference to texts of legal substratum, characterized by their narrative character. Arab-Persian ezafes in a greater degree perform stylistic functions, and sometimes look like stenographic techniques. Often they also carry a terminological burden. All these features of the ezafe of kadasker's books evidence of a developed and well-established language, in particular, the style of legal lining.

Key words: ezafe, Crimean books, legal subtype, syntax of Turkic language, stylistics.

Статтю отримано 21.03.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107896>

УДК 811.161.1'373.74'282.4:304.3(477.74)

АРЕФЬЕВА Наталья Георгиевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Института международного образования Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: 095-866-32-87; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-4974-9157.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (на материале русских говоров Одесщины)

Аннотация. Цель статьи — попытка реконструировать фразеологическую картину мира носителей русских говоров Одесского региона. Предмет исследования составляют лингвокультурные коды, планом выражения которых являются фразеологизмы, зафиксированные в двухтомном Словаре русских говоров Одесщины. Методологической основой исследования стали современные разработки и основные положения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, диалектологии и лингвосомиотики. На основе обширного пласта фразеологизмов русских говоров Одесщины выделен 21 лингвокультурный код. Некоторые из них рассмотрены на фоне лингвокультурологической парадигмы. Результатом исследования стали **выводы**, согласно которым фразеологическая картина мира может быть реконструирована с помощью лингвокультурных кодов. Фразеологическая картина мира носителей русских переселенческих говоров Одесской области отличается широтой и многообразием, воссоздаёт быт, культурные традиции, социокультурные и природные условия, в которых проживают диалектоносители, а также отражает стереотипы и эталоны, на которые ориентируются русскоязычные жители Одесского региона. Базовым лингвокультурным кодом фразеологической картины мира является *хозяйственный* код, вокруг которого группируется значительная часть других лингвокультурных кодов.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фразеологизм, фразеологическая картина мира, лингвокультурный код.

Постановка проблемы. Фразеология русских говоров Одесщины сегодня — уникальный, наименее изученный языковой пласт, в котором преломляются быт, история, традиции и мировоззрение народа-диалектоносителя. В то же время, лингвокультурологические исследования диалектных фразеологизмов как никогда актуальны, поскольку «лексика общерусского и диалектного дискурсов в целом отражает дискретное единое и непрерывное ментальное пространство всех носителей русского языка. При моделировании общерусской (общенациональной) ЯКМ диалектные факты могут восполнить отдельные её звенья, отсутствующие в сознании носителей современного литературного языка» [4, с. 19]. Об актуальности поставленной научной проблемы говорит и автор учебного пособия «Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в иноязычном окружении» Л. Ф. Баранник. «Богатая и интереснейшая фразеология русских говоров Одесщины ждёт своих исследователей», — отмечает учёный [1, с. 19].

Связь с предыдущими исследованиями. Нужно отметить, что в русле лингвокультурологических и этнолингвистических студий фразеологию исследовали Н. И. Толстой, В. М. Мокиенко, Е. А. Селиванова, Д. О. Добровольский, В. Н. Телия, В. Д. и Д. В. Ужченко, К. Ничева, И. А. Голубовская,